

ВАЛЕРИЙ
БРЮСОВ

Моисей

Валерий Яковлевич Брюсов

Рея Сильвия (Проза Валерия Брюсова)

Повесть из жизни VI века.

«... однажды вечером Марии случилось опять разговариваться с отцом, вернувшимся домой веселым и пьяным. Они были одни, так как Флоренция, по обыкновению, оставила их болтать свои глупости и ушла к себе спать. Мария рассказала отцу о найденном ею подземном дворце и его сокровищах. Старый Руфий отнесся к этому рассказу так же, как ко всем другим бредням дочери. Когда она ему говорила, что встретила сегодня на улице Великого Константина и тот милостиво с ней беседовал, Руфий не удивлялся, но начал говорить о Константине. Теперь, когда Мария рассказала о сокровищах неведомого дворца, старый каллиграф тотчас заговорил об этом дворце. ...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0016
III.....	.0024
IV.....	.0032
V.....	.0040
VI.....	.0048
VII.....	.0055

Валерий Яковлевич Брюсов
Рея Сильвия
Повесть из жизни VI века

Мария была дочерью Руфия, каллиграфа. Ей не было еще десяти лет, когда 17 декабря 546 года Рим был взят королем готов Тотилою. Великодушный победитель приказал всю ночь трубить в букцины, чтобы римляне, узнав об опасности, могли бежать из родного города. Тотила знал ярость своих воинов и не хотел, чтобы все население древней столицы мира погибло под мечами готов. Бежал и Руфий со своей женой Флоренцией и маленькой дочкой Марией. Беглецы из Рима громадной толпой целую ночь шли по Аппиевой дороге; сотни людей в изнеможении падали на пути. Все же большинству, в том числе и Руфию с семьей, удалось добраться до Бовилл, где, однако, для очень многих не нашлось приюта. Пришлось римлянам расположиться станом в поле. Позднее все разбрелись в разные стороны, ища какого-нибудь пристанища. Некоторые пошли в Кампанию, где их захватывали в плен господствовавшие там готы; другие добрались до моря и даже получили возможность уехать в Сицилию; третьи остались ни-

ценствовать в окрестностях Бовилл или перебрались в Самний.

У Руфия был друг, живший около Корбия. К этому бедному человеку по имени Анфимий, промышлявшему на маленьком клочке земли разведением свиней, и повел свою семью Руфий. Анфимий принял беглецов и делил с ними свои скудные запасы. Живя в жалкой хижине свинопаса, Руфий узнал о всех бедствиях, постигших Рим. Тотила одно время грозил скрыть Вечный Город до основания и обратить его в пастбище. Потом готский король смилостивился, удовольствовался тем, что было сожжено несколько участков города и разграблено все, что еще уцелело от алчности и ярости Алариха, Генсериха и Рицимера. Весной 547 года Тотила покинул Рим, но увел с собою всех еще оставшихся в нем жителей. В течение 40 дней столица мира стояла пустой: в ней не было ни одного человека, и по улицам бродили только одичавшие животные и дикие звери. Потом, несмело и понемногу, римляне стали возвращаться в свой город. А несколько дней спустя Рим был занят Велисарием и опять присоединен к владени-

ям Восточной империи.

Тогда вернулся в Рим и Руфий с семьей. Они разыскали на Ремурии свой маленький дом, по незначительности его пощажённый грабителями. Почти все скудное имущество Руфиев оказалось цело, в том числе и библиотека с драгоценными для каллиграфа свитками. Казалось, что можно было позабыть пережитые бедствия, как тягостный сон, и продолжать прежнюю жизнь. Но очень скоро выяснилось, что такие надежды обманчивы. Война далеко не кончилась. Пришлось пережить новую осаду Рима Тотилою, когда опять жители сотнями умирали от голода и от недостатка воды. После того, как готы сняли, наконец, безуспешную осаду, Велисарий также покинул Рим, и город оказался под властью алчного византийца Конона, от которого римляне так же убегали, как от врага. Ещё после готы вторично заняли Рим, воспользовавшись изменою стражи. Впрочем, на этот раз Тотила не только не грабил города, но даже пытался ввести в нем некоторый порядок и хотел восстановить разрушенные здания. Наконец, после смерти Тотилы, Рим был взят Нарсесом.

Это было в 552 году.

Как пережили Руфии эти бедственные шесть лет, трудно даже выяснить. В годы войны и осад никому не было надобности в искусстве каллиграфа. Никто более не заказывал Руфию списков с творений древних поэтов или отцов церкви. Не было в городе таких властей, к которым нужно было бы писать каллиграфически разного рода прошения. Жителей в городе было мало, денег еще меньше, а всего меньше съестных припасов. Приходилось добывать себе пропитание всякой случайной работой, служа и готам, и византийцам, не брезгуя порой и ремеслом каменщика при починке городских стен или носильщика вьюков для войска. При всем том бывали не только дни, но целые недели, когда всей семье случалось голодать. О вине нечего было и думать, и пить надо было скверную воду из цистерн и из Тибра, так как водопроводы были разрушены готами. Только потому и можно было сносить такие лишения, что им подвергались все, без исключения. Потомки сенаторов и патрициев, дети богатейших и знатнейших родов вымалива-

ли на улицах кусок хлеба, как нищие. Рустигиана, дочь Симмаха и вдова Боэция, протягивала руку за подаванием.

Неудивительно, что в эти годы маленькая Мария была предоставлена себе самой. В раннем детстве отец выучил ее читать по-гречески и по-латыни. Но после возвращения в город ему некогда было заниматься дальше ее образованием. Целыми днями она делала что ей вздумается. Мать не принуждала девочку помогать по хозяйству, так как и хозяйства почти никакого не было. Чтобы скоротать время, Мария читала книги, сохранявшиеся в доме потому, что их некому было продать. Но чаще уходила из дому и, как дикий зверок, бродила по пустынным улицам, форумам и площадям, слишком обширным для ничтожного теперь населения. Редкие прохожие скоро привыкли к худенькой черноглазой девочке в оборванном платье, шмыгавшей везде, как мышь, и не обращали на нее внимания. Рим сделался как бы громадным домом для Марии. Она узнала его лучше, чем любой составитель описания его достопримечательностей прежнего времени. День за днем Мария

исходила все необъятное пространство города, вмещавшее когда-то свыше миллиона жителей, научилась любить одни его уголки, стала ненавидеть другие. И часто только поздно вечером она возвращалась домой, под невеселый отчий кров, где не раз случалось ей лечь спать без ужина, после целого дня, проведенного на ногах.

Мария в своих блужданиях по городу забиралась в самые отдаленные части города, по сю и по ту сторону Тибра, где стояли пустые, частью сгоревшие дома, и там мечтала о прошлом величии Рима. Она разглядывала на площадях немногие уцелевшие статуи — огромного быка на Бычьем форуме, бронзовых гигантов-слонов на Священной улице, изображения Домициана, Марка Аврелия и других славных мужей древности, колонны,obelisks, барельефы, стараясь вспомнить, что она обо всем этом читала, и, если недоставало знаний, дополняя прочитанное фантазией. Она проникала в покинутые дворцы бывших богачей, любовалась на жалкие остатки прежней роскоши в убранстве покоев, на мозаику полов, на разноцветные мраморы стен,

на стоявшие кое-где пышные столы, кресла, светильники. Точно так же посещала Мария и громады терм, казавшиеся отдельными городами в городе, безлюдные во всякое время, так как не было воды, чтобы питать их ненасытные трубы; в некоторых термах еще можно было видеть великолепные мраморные водоемы, мозаичные полы, купальные кресла и ванны из драгоценного алебастра или порфира, а местами и полуразбитые статуи, которыми не воспользовались войска ни готов, ни византийцев, как ядрами для своих баллист. В тишине огромных покоев Марии слышались отголоски беспечной и богатой жизни, собиравшей сюда ежедневно тысячи и тысячи посетителей, приходивших встретить друзей, поспорить о литературе или философии, умастить изнеженное тело перед праздничным пиром. В Большом цирке, представлявшемся диким оврагом, так как он весь зарос травой и бурьяном, Мария думала о торжественных состязаниях ристателей, на которых смотрели десятки тысяч зрителей, оглушая счастливых победителей бурей рукоплесканий: Мария не могла не знать об этих

празднествах, так как последнее из них (о! горестная тень давнего великолепия!) было устроено еще при ней Тотилою при его втором владычестве в Риме. Иногда же Мария просто уходила на берег Тибра, садилась там в укромном месте, под какой-нибудь полуразрушенной стеной, смотрела на желтые воды прославленной поэтами и ваятелями реки и опять, в тишине безлюдия, думала и мечтала, и еще мечтала и думала.

Мария привыкла жить своими мечтами. Полуразрушенный, полупокинутый город давал щедрую пищу ее воображению. Все, что Мария слышала от старших, все, что она без порядка прочла в книгах отца, смешалось в ее голове в странное, хаотическое, но бесконечно пленительное представление о великом, древнем городе. Она была уверена, что прежний Рим был поистине, как это говорили поэты, средоточием всей красоты, городом-чудом, где все было очарованием, где вся жизнь была один сплошной праздник. Века и эпохи путались в бедной головке девочки, времена Ореста казались ей столь же отдаленными, как правление Траяна, а царствова-

ние мудрого Нумы Помпилия столь же близким, как и Одоакра. Древность была для нее все, что предшествовало готам; далекой, и еще счастливой, стариной – правление Великого Теодориха; новое время начиналось для Марии только со дня ее рождения, с первой осады Рима при Велисарии. В древности все казалось Марии дивно, прекрасно, изумительно, в старине – все привлекательно и благополучно, в новом времени – все бедственно и ужасно. И Мария старалась не замечать жестокости современности, мечтами живя в милой ей древности, среди любимых героев, которыми были и бог Вакх, и второй основатель города Камилл, и Цезарь, вознесшийся звездой на небо, и мудрейший из людей Диоклециан, и несчастнейший из великих Ромул Августул. Все они и многие другие, чьи только имена случалось слышать Марии, были любимцами ее грез и обычными видениями ее полудетских снов.

Мало-помалу Мария в мечтах создала свою историю Рима, ничем не похожую на ту, которую рассказывал когда-то красноречивый Ливий, а потом другие историки и анналисты.

Любуясь уцелевшими статуями, читая полустертые надписи, Мария все толковала по-своему, везде находила подтверждения своим безудержным вымыслам. Она говорила себе, что такая-то статуя изображает юношу Августа, и уже никто не мог бы уверить девочку, что это – плохой портрет какого-то полуварвара, жившего всего лет пятьдесят назад и заставившего неумелого делателя гробниц обесмертить свои черты из куска дешевого мрамора. Или, видя барельеф, изображающий сцену из «Одиссеи», Мария создавала из него длинный рассказ, в котором опять появлялись ее любимые герои – Марс, Брут или император Гонорий, и потом уже была убеждена, что эту историю вычитала в одной из отцовских книг. Она создавала легенду за легендой, миф за мифом и жила в их мире, как в более подлинном, чем мир, описанный в книгах, а тем более чем тот жалкий мир, который окружал ее.

Намечтавшись вдоволь, утомленная ходьбой и измученная голодом, Мария возвращалась в свой родной дом. Там ее угрюмо встречала мать, озлобившаяся от всех пережитых

несчастий, сурово совала ей кусок хлеба с сыром или луковицу чесноку, если это находилось в кухне, да присоединяла иногда к скудному ужину несколько бранных слов. Мария, дичась, как пойманная птица, наскоро съедала поданное и спешила в свою каморку, на жесткую постель, чтобы опять мечтать, в минуты перед сном и в самом сне, о блаженных, ослепительных временах древности. В исключительно счастливые дни, когда отец бывал дома и в духе, он иногда заговаривал с Марией. Но и тогда быстро их разговор переходил на ту же, милую обоим древность. Мария расспрашивала отца о прошлом Рима и, затаив дыхание, слушала, как старый каллиграф, увлекаясь, начинал говорить о величии империи при Феодосии или декламировал стихи древних поэтов – Вергилия, Авсония и Клавдиана. И еще более помрачался хаос в бедной головке девочки, и порой ей начинало казаться, что действительная жизнь только снится ей, а что в самом деле она живет в блаженные годы Энея, Августа или Грациана.

После занятия Рима Нарсесом жизнь в городе стала принимать более или менее обычный ход. Правитель поселился на Палатине, часть разоренных комнат императорского дворца была для него расчищена, и по вечерам они светились огнями. Византийцы привезли с собой деньги, в Риме возобновилась торговля. Большие дороги стали сравнительно безопасны, и обнищавшие жители Кампании повезли в Рим на продажу припасы. Там и сям вновь открылись винные таверны. Появился спрос даже на предметы роскоши, покупавшиеся главным образом женщинами легкого поведения, которые вороньей стаей следовали за разноплеменным войском великого евнуха. Зашмыгали по всем улицам монахи, от которых тоже было можно кое-чем поживиться. Тридцать или сорок тысяч жителей, скопившихся теперь в Риме, считая с войском, придавали городу, особенно в его средней части, вид населенного и даже оживленного места.

Нашлась, наконец, настоящая работа и для

Руфия. Нарсес, а потом его преемник, византийский дукс, принимали разные жалобы и прошения, для переписки которых требовался искусный каллиграф. Эдикты Юстиниана, признавшего одни из актов готских королей и отвергнувшего другие, подавали повод к бесконечным кляузам и судебным процессам. Приходилось переписывать и бумаги, направляемые прямо его святости, императору, в Византию, за что платили сравнительно хорошо. Выпадали и более важные заказы. Один новый монастырь пожелал иметь каллиграфический список богослужебных книг. Какой-то чудака заказал список поэм славного Рутилия. В доме Руфиев опять появилось некоторое довольство. Семья каждый день могла обедать и уже не дрожала за судьбу следующего дня.

Все могло бы пойти хорошо в доме Руфиев, если бы каллиграф, сильно постаревший за годы лишений, не начал пить. Нередко весь заработок он оставлял в какой-нибудь таверне или копоне. Для Флоренции это было жестоким ударом. Она всячески боролась с несчастной страстью мужа, отбирала у него заработанные деньги, но Руфий пускался на

всякие хитрости и всё находил способы напиться. Мария, напротив, любила дни, когда отец бывал пьян. Тогда он возвращался домой веселым, не обращал внимания на плач и укору Флоренции, но охотно звал к себе Марию, если та была дома, и опять говорил ей без конца о прошлом величии Вечного Города и читал ей стихи старых поэтов и своего собственного сочинения. Полубезумная девочка и пьяный отец как-то понимали друг друга и часто до поздней ночи просиживали вдвоем, когда разгневанная Флоренция, бросив их, уходила спать одна.

Сама Мария не изменила своей жизни. Напрасно отец, когда бывал трезв, заставлял ее помогать ему в работе. Напрасно мать гневалась на то, что дочь не разделяет с ней трудов по хозяйству. Когда Марию принуждали, она нехотя, угрюмо переписывала несколько строк или очищала несколько луковиц, но при первой возможности убегала из дому, чтобы опять целый день бродить по своим любимым уголкам города. Ее бранили, когда она возвращалась, но Мария выслушивала все упреки молча, не возражая ни слова. Что

было ей до брани, когда в ее мечтах еще блистали все роскошные картины, которыми она тешила свое воображение, притаившись около порфирной ванны в термах Каракаллы или запрятавшись в густой траве на берегу старого Тибра. Ради того, чтобы у нее не отнимали ее видений, она охотно снесла бы и побои, и всякие мучения. В этих видениях была вся жизнь Марии.

Осенью 554 года Мария видела на улицах Рима триумфальное шествие Нарсеса – последний триумф, отпразднованный в Вечном Городе. Разноплеменное войско евнуха, в которое входили греки, гунны, герулы, гепиды, персы, нестройной толпой шло по Священной улице, неся богатую добычу, отнятую у готов. Воины пели веселые песни на самых разнообразных языках, и их голоса сливались в дикий, оглушающий вой. Полководец, увенчанный лаврами, ехал на колеснице, запряженной белыми конями. У ворот Рима его встретило несколько человек, одетых в белые тоги, выдававших себя за сенаторов. Нарсес через полуразрушенный Рим, по улицам, на которых между мощными плитами камней про-

растала трава, направился к Капитолию. Там Нарсес сложил свой венок перед статуей Юстиниана, откуда-то добытой для этого случая. Потом, уже пешком, опять через весь Рим, проследовал к базилике св. Петра, где был встречен папою и духовенством в торжественных облачениях. Толпившиеся на улицах римляне без особого восторга смотрели на это зрелище, которому действующие лица стремились придать пышность. Торжество византийцев было для римлян делом чужим, почти что торжеством врагов родины.

И на Марию триумф не произвел никакого впечатления. Равнодушными глазами смотрела она на пестрые одежды воинов, на триумфальную тогу евнуха, маленького безбородого старичка с бегающими глазами, на торжественные ризы духовенства. Песни и воинственные крики войска только наводили ужас на Марию. Так непохожим казалось ей все это на те триумфы, которые она так часто воображала в своих одиноких мечтах, – на триумфы Августа, Веспасиана, Валентиниана! Здесь все ей представлялось страшным и безобразным; там все было великолепиие и красо-

та! И, не дождавшись конца триумфа, Мария убежала от базилики св. Петра на Аппиеву дорогу, к своим любимым развалинам терм Каракаллы, чтобы в тиши мраморных зал свободно плакать о невозвратном прошлом и видеть его в грезах вновь живым и прекрасным, каким оно только и может быть. В этот день Мария вернулась домой поздно и не хотела отвечать на расспросы, видела ли она триумф.

Марии в это время было уже почти восемнадцать лет. Она не была красива. Худая, с неразвитой грудью, с болезненным румянцем, с дикими, черными глазами, она скорее пугала, чем привлекала внимание. У нее не было подруг. Когда соседские девушки заговаривали с ней, она им отвечала односложно, отрывисто, спешила прервать всякий разговор. Что они, эти другие девушки, понимали в ее тайных мечтах, в ее заветных видениях! О чем было Марии говорить с ними! Ее считали не то дурочкой, не то помешанной. К тому же она никогда не ходила в церковь. Иногда на пустынной улице пьяный прохожий приставал к Марии, пытался ущипнуть ее за ло-

коть или обнять. Тогда Мария оборонялась, как дикая кошка, царапалась, кусалась, пускала в ход кулаки, и ее оставляли в покое. Нашелся все-таки один юноша-сосед, сын медника, посватавшийся к Марии. Когда мать сказала ей об этом, Мария встретила известие с истинным ужасом. Когда же мать стала настаивать, говоря, что лучшего мужа теперь искать негде, Мария начала рыдать с таким отчаянием, что Флоренция отступилась от нее, порешив, что дочь или еще слишком молода для замужества, или и в самом деле не совсем в своем уме. Так Марию и оставили жить на свободе и наполнять свой бесконечный досуг всем, чем ей угодно.

Проходили дни, недели и месяцы. Руфий работал и пил. Флоренция хлопотала по хозяйству и бранилась. Оба считали себя несчастными и проклинали свою горестную судьбу. Одна Мария была счастлива в мире своих грез. Все меньше и меньше замечала она ненавистную действительность, окружавшую ее. Все глубже и глубже уходила она в царство своих видений. Уже она разговаривала с образами, созданными ее воображени-

ем, как с живыми людьми. Домой она возвращалась в уверенности, что сегодня повстречалась с богиней Вестой, а сегодня – с диктатором Суллою. Она вспоминала то, что пережила в мечтах, как бывшее на самом деле. В часы ночных бесед с пьяным отцом она пересказывала ему эти свои воспоминания, и старый Руфий не удивлялся им: по поводу каждого рассказа у него были наготове какие-нибудь стихи, он дополнял и развивал безумные грезы дочери, и, слушая сквозь сон их странные беседы, Флоренция то плевала и произносила проклятия, то крестилась и шептала молитву Пресвятой Деве.

Весной следующего за триумфом года Мария, блуждая вокруг разрушающихся стен терм Траяна, заметила, что в одном месте, где, по-видимому, уже начинался Эсквилинский холм, есть в земле странное отверстие, словно вход куда-то. Местность была пустынная; кругом стояли только необитаемые, покинутые дома; мостовые были испорчены, и обрывистый склон холма зарос бурьяном. После некоторых стараний Марии удалось добраться до раскрытой трещины. За ней был темный и узкий проход. Мария без колебания поползла по нему. Ползти пришлось долго в совершенной темноте и в спертom воздухе. Внезапно проход кончился обрывом. Когда глаза Марии привыкли к сумраку, она при слабом свете, доходившем из отверстия, различила, что перед ней обширный зал какого-то неведомого дворца. Подумав немного, девушка сообразила, что ей не удастся осмотреть его без освещения. Она осторожно выбралась назад и весь тот день пробродила в раздумье. Рим казался ей ее достоянием, и она не могла снести

мысли, что было в городе что-то, ей неизвестное.

На другой день Мария, запасшись самодельным факелом, вернулась на прежнее место. Не без опасности для себя она спустилась в открытый ею зал и там зажгла факел. Величественный покой предстал ее взорам. Стены до половины были мраморные, а выше расписаны дивной живописью. В нишах стояли бронзовые статуи работы изумительной, казавшиеся живыми людьми. Можно было различить, что пол, засыпанный мусором и землей, был мозаичный. Налюбовавшись новым зрелищем, Мария смело пошла вперед. Через огромную дверь она проникла в целый лабиринт ходов и переходов, приведших ее в новый зал, еще более великолепный, чем первый. Дальше следовала целая анфилада покоев, убранных мрамором и золотом, стенной живописью и статуями; во многих местах еще стояла драгоценная мебель и разная домашняя утварь тонкой работы. Кругом бегали ящерицы, пауки и мокрицы, шныряли летучие мыши, но Мария не замечала ничего, упоенная единственным зрелищем. Перед ней

была жизнь древнего Рима, живая, во всей своей полноте, наконец-то обретенная Марией!

Долго ли Мария наслаждалась в тот день своим открытием, она сама не знала. От сильного волнения или от спертых воздуха ей сделалось дурно. Когда она очнулась на каменном, сыром полу – оказалось, что ее факел погас, догорев. В совершенной тьме Мария ощупью начала искать дорогу к выходу. Она блуждала долго, много часов, но только путалась в бесчисленных переходах и покоях. В затуманенном сознании девушки уже мелькала мысль, что ей суждено умереть в этом неведомом, погребенном под землей дворце. Такая мысль не пугала Марию: напротив, ей представлялось прекрасным и желанным кончить жизнь среди пышной обстановки древней жизни, в мраморном зале, где-нибудь у подножия прекрасной статуи. Мария жалела лишь об одном: что кругом было темно и что ей не суждено будет видеть ту красоту, среди которой будет умирать... Неожиданно впереди блеснул луч света. Собрав силы, Мария пошла к нему. То был лунный свет, проникав-

ший через трещину, похожую на вход, которым Мария проникла во дворец. Но эта трещина была в совершенно другом зале. С большими усилиями, карабкаясь по выступу стен, Мария добралась до этого отверстия и выбралась на волю, в час, когда весь город уже спал и луна полновластно царила над горами полуразрушенных зданий. Пробираясь вдоль стен, чтобы ее не заметили, Мария вернулась домой, изнеможенная, чуть живая. Отца не было дома – он пропал на всю ночь, а мать ограничилась несколькими грубыми окриками.

После того Мария начала ежедневно посещать открытый ею подземный дворец. Понемногу она изучила все его переходы и залы, так что могла бродить по ним в полной темноте, без опасения опять потерять дорогу. Впрочем, она всегда приносила с собой маленькую лампу или смоляной факел, чтобы вдоволь любоваться на роскошное убранство покоев. Мария изучила их все. Она знала комнаты, сплошь расписанные и убранные красным, другие, где преобладал желтый цвет, третьи, напоминавшие своей зеленой роспи-

сю свежие луга или сад, четвертые – все белые, с украшениями из черного эбенового дерева; она знала все стенные картины, изображающие то сцены из жизни богов и героев, то знаменитые битвы древности, то облики великих мужей, то смешные приключения фавнов и амуров; она знала и все сохранившиеся во дворце статуи, бронзовые и мраморные, и маленькие бюсты в нишах, и торжественные изваяния во весь рост, и необъятную громаду, представляющую трех человек, мужчину и двух юношей, сплетенных кольцами гигантских змей и тщетно пытающихся освободиться из губительных объятий.

Среди всех украшений подземного дворца Марии особенно полюбился один барельеф. Он изображал девушку, худую и стройную, покоящуюся в глубоком сне в какой-то пещере; около девушки в военных доспехах стоял юноша с благородным лицом, дивной красоты; над ними, как бы в облаках, была изображена плетеная корзина с двумя младенцами, плывущая по реке. Марии казалось, что черты изображенной девушки похожи на нее, на Марию. Она узнавала самое себя в этой то-

ленькой спящей царевне и не уставала целыми часами любоваться на нее, воображая себя на ее месте. Временами Мария готова была верить, что какой-то древний художник чудом угадал, что некогда явится в мир девушка Мария, и заранее создал ее портрет в барельефе таинственного, заколдованного дворца, который должен был сохраняться неприкосновенным под землей в течение столетий. Смысл других фигур на барельефе долгое время оставался для Марии темным.

Но однажды вечером Марии случилось опять разговориться с отцом, вернувшимся домой веселым и пьяным. Они были одни, так как Флоренция, по обыкновению, оставила их болтать свои глупости и ушла к себе спать. Мария рассказала отцу о найденном ею подземном дворце и его сокровищах. Старый Руфий отнесся к этому рассказу так же, как ко всем другим бредням дочери. Когда она ему говорила, что встретила сегодня на улице Великого Константина и тот милостиво с ней беседовал, Руфий не удивлялся, но начинал говорить о Константине. Теперь, когда Мария рассказала о сокровищах неведомого дворца,

старый каллиграф тотчас заговорил об этом дворце.

– Да, да, дочка! – сказал он. – Между Палатином и Эсквилином, это действительно там. Это – Золотой дом императора Нерона, самый прекрасный из дворцов, когда-либо воздвигавшихся в Риме! Нерону для него не хватало места, и он сжег Рим. Рим горел, а император декламировал стихи о пожаре Трои. Потом же на расчищенном месте воздвиг свой Золотой дом. Да, да, между Палатином и Эсквилином, ты права. Прекраснее в городе не было ничего. Но после смерти Нерона другие императоры из зависти этот дворец разрушили и засыпали землей: его нет более. Построили на его месте дома и термы. Но это был самый прекрасный из дворцов!

Тогда, осмелившись, Мария рассказала и о полюбившемся ей барельефе. И опять не удивился старый каллиграф. Он тотчас объяснил дочери, что хотел изобразить художник:

– Это, дочка моя, – Рея Сильвия, весталка, дочь царя Нумитора. А юноша – это бог Марс, полюбивший девушку и отыскавший ее в священной пещере. У них родились близнецы,

Ромул и Рем. Рею Сильвию утопили в Тибре, а младенцев вскормила волчица, и они стали основателями Города. Да, все это так было, дочка.

Руфий подробно рассказал Марии трогательную сказку о провинившейся весталке Илии, или Рее Сильвии, и сейчас же начал декламировать стихи из «Метаморфоз» древнего Насона:

*Proximus Ausonias iniusti miles
Amuli
Rexit opes...[8]*

Но Мария уже не слушала отца; она тихо повторяла про себя:

– Это – Рея Сильвия! Рея Сильвия!

IV

С того дня еще больше времени стала проводить Мария перед чудесным барельефом. Она приносила с собой, вместе с факелом, скудный завтрак, – чтобы больше часов оставаться в подземном дворце, который считала более своим домом, чем дом отца. Мария ложилась на холодный и скользкий пол перед изображением дочери Нумитора и при слабом свете смоляного факела долгими часами всматривалась в черты лица тоненькой девушки, спящей в священной пещере. С каждым днем все более казалось Марии, что она странно похожа на эту древнюю весталку, и мало-помалу, в мечтах, уже не умела различить, где бедная Мария, дочь Руфия, каллиграфа, и где несчастная Илия, дочь царя Альбы Лонги. Себя самое Мария уже не называла иначе, как Рея Сильвия. Лежа перед барельефом, она мечтала, что и к ней, в этой новой священной пещере, явится бог Марс, что и у нее родятся от божественных объятий близнецы, Ромул и Рем, которые станут основателями Вечного Города. Правда, за это надо бы-

ло заплатить смертью, погибнуть в мутных водах Тибра, — но разве страшила Марию смерть? Часто Мария засыпала с такими грезами перед барельефом, и во сне ей снился тот же бог Марс, с благородным лицом дивной красоты, и его божественные, обжигающие объятия. И, проснувшись, Мария не знала, было ли то во сне или наяву.

Стоял уже палящий июль, когда улицы Рима в полдень пустели, словно после грозного приказа короля Тотилы. Но в подземном дворце было прохладно и влажно, и Мария по-прежнему каждый день приходила сюда, чтобы дремать в привычных сладких грезах перед изображением Илии, мечтая о своем суженом — боге. И когда однажды, в легкой дремоте, она вновь предавалась обжигающим ласкам Марса, внезапно какой-то шум заставил ее проснуться. Мария открыла глаза, еще ничего не понимая, и огляделась кругом. При свете маленького факела, вставленного в расщелину между камнями, она увидела перед собой юношу. Он был не в военном доспехе, но в той одежде, какую тогда обычно носили небогатые римляне, однако лицо юноши

было исполнено благородства и Марии показалось сияющим дивной красотой. Несколько мгновений смотрела Мария изумленно на неожиданное явление, на человека, проникшего в этот заколдованный дворец, который она считала известным лишь себе одной. Потом, присев на полу, девушка спросила просто:

– Ты пришел ко мне?

Юноша улыбнулся улыбкой тихой и пленительной и отвечал также вопросом:

– А кто ты, девушка? Не гений ли этого места?

Мария сказала:

– Я – Рея Сильвия, весталка, дочь царя Нумитора. А ты не бог ли Марс, ищущий меня?

На это юноша возразил:

– Нет, я – не бог, я – смертный человек, меня зовут Агапит, и я не искал тебя здесь. Но все равно, я рад найти тебя. Здравствуй, Рея Сильвия, дочь царя Нумитора!

Мария позвала юношу сесть с ней рядом, что он тотчас и исполнил. Так они сидели вдвоем, девушка и юноша, на сыром полу, в пышном зале засыпанного землей Золотого

дома Нерона, смотрели друг другу в глаза и сначала не знали, о чем говорить. Потом Мария, показав юноше на барельеф, стала пересказывать легенду о несчастной весталке. Но юноша прервал рассказ.

– Я это знаю, Рея, – сказал он, – но как странно: лицо девушки на барельефе действительно похоже на твое.

– Это – я, – возразила Мария.

Столько уверенности было в ее словах, что юноша смутился и не знал, что думать. А Мария нежно положила руки ему на плечи и стала говорить вкрадчиво и почти робко:

– Не отказывайся: ты – бог Марс, принявший смертный облик. Но я тебя узнала. Я давно тебя ждала. Я знала, что ты придешь. И я не боюсь смерти. Пусть меня утопят в Тибре.

Долго слушал юноша бессвязные речи Марии. Все было странно кругом. И этот подземный, никому неведомый дворец, с его великолепными покоем, где жили только ящерицы да летучие мыши. И эта полутьма огромного зала, чуть освещаемая слабым светом двух факелов. И эта безвестная девушка, похожая на Рею Сильвию древнего барельефа, с ее

непонятными речами, чудесным образом попавшая в погребенный Золотой дом Нерона. Юноша чувствовал, что та грубая действительность, которой он только что жил, перед тем как проникнуть в подземное жилище, исчезала, развеивалась, как утром сон. Еще минута, и юноша сам поверил бы в то, что он – бог Марс и что он встретил здесь любимую им дочь Нумитора, весталку Илию. Сделав над собой последнее усилие, юноша прервал Марию.

– Милая девушка, – сказал он, – выслушай меня. Ты во мне ошибаешься. Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Я открою тебе всю правду. Агапит – не мое настоящее имя. Я – гот, и меня зовут на самом деле Теодат. Но я должен скрывать свое происхождение, потому что меня убьют, если об нем узнают. Разве ты не слышишь по моему произношению, что я – не римлянин? Когда мои соплеменники покинули ваш город, я не последовал за ними. Я люблю Рим, люблю его историю и его предания, я хочу жить и умереть в Вечном Городе, который одно время был нашим. Теперь, под именем Агапита, я служу у одного

оружейника, работаю днем, а вечером брожу по городу и люблюсь на его уцелевшие памятники. Зная, что на этом месте был Золотой дом Нерона, я пробрался и в это подземелье, чтобы полюбоваться остатками прежней красоты. Вот и все. Я рассказал тебе всю правду и верю, что ты не выдашь меня, потому что одного твоего слова будет достаточно, чтобы послать меня на смерть.

Мария выслушала речь Теодата с недоверием и неудовольствием. Подумав, она сказала:

– Зачем ты меня обманываешь? Зачем ты хочешь принять облик гота? Разве я не вижу нимба вокруг твоей головы? Марс Градив, для других ты – бог, для меня – мой возлюбленный. Не насмехайся над своей бедной невестой, Реей Сильвией!

Опять Теодат долго смотрел на девушку, говорившую безумные слова, и стал догадываться, что ум Марии не в порядке. И когда эта мысль пришла в голову юноше, он сказал себе: «Бедная девушка! Нет, я не воспользуюсь твоей беззащитностью! Это было бы недостойно гота». После этого он тихо обнял

Марию и начал с ней говорить, как с малым ребенком, не оспаривая ее странных бредней, признавая себя богом Марсом. И долго сидели они в полутьме рядом, не обменявшись ни одним поцелуем, говоря и мечтая вдвоем о будущем Риме, который будет основан двумя близнецами, Ромулом и Ремом, их детьми. Наконец, факелы стали догорать, и Теодат сказал Марии:

– Милая Рея Сильвия, уже поздно. Нам должно уходить отсюда.

– А ты вернешься завтра? – спросила Мария.

Теодат посмотрел на девушку. Она казалась ему непонятно привлекательной, со своим худым, полудетским телом, со своим болезненным румянцем на щеках и глубокими черными глазами. Непонятно-привлекательно было и это свидание в полутемной зале погребенного дворца, перед дивным барельефом неизвестного художника. Теодату захотелось повторить эти минуты странной беседы с бедной помешанной, и он ответил:

– Да, девушка, завтра, в этот же час, после дневной работы, я опять приду сюда, к тебе.

Рука с рукой они направились к выходу. У Теодата была веревочная лестница. Он помог Марии взобраться к трещине, служившей входом во дворец. На улицах уже вечерело.

Прежде чем расстаться, Теодат повторил, глядя в глаза Марии:

– Помни, девушка, что ты никому не должна говорить, что встретила со мной. Это мне может стоить жизни. Прощай до завтра.

Он первый спустился на землю и быстро скрылся за поворотом. Мария медленно пошла домой. Если бы в тот вечер ей пришлось вести беседу с отцом, она ничего не рассказала бы ему о пришедшем к ней, наконец, Марсе Градиве.

Теодат не обманул Марии. На другой день, к вечеру, он действительно вновь пришел в Золотой дом, к барельефу, изображающему Марса и Рею Сильвию, где уже ждала Мария. Юноша принес с собой хлеба, сыра и вина. Вдвоем они ужинали в роскошной зале дворца Нерона. Мария опять мечтала вслух о красоте прошлой жизни, о богах, героях и императорах, смешивая рассказы о действительно пережитом ею с бредом своей фантазии, а Теодат, обняв девушку, тихо гладил ее руки и плечи и любовался черной глубиной ее глаз. Потом они вместе гуляли по пустынным подземным покоем, озаряя факелами великие создания эллинского и римского гения. Расставаясь, они вновь дали друг другу обещание встретиться на следующий день.

С того времени каждый день, окончив скучную работу в мастерской оружейника, где изготовлялись и чинились шлемы, копья и панцири для византийского отряда, охранявшего Рим, Теодат шел на свидание со странной девушкой, считавшей себя ожив-

шей весталкой Илией. Непобедимая привлекательность была для юноши и в хрупком теле девушки, и в ее полубезумных речах, которые он готов был слушать целыми часами. Они вместе осматривали все залы, проходы и комнатки дворца, куда только можно было проникнуть, вместе радовались каждой новой найденной статуе, каждому новому замеченному барельефу, и не было дня, чтобы неожиданное открытие не наполняло их души новым восторгом. День за днем они жили неизменяющим счастьем – наслаждаться творениями искусства, и в минуты умиления перед новым мрамором, ваянным, быть может, резцом Праксителя, юноша и девушка принимали друг к другу в объятия в блаженном и чистом поцелуе.

Незаметно и для Теодата Золотой дом Нерона стал родным домом, а Мария – самым близким и самым дорогим существом в мире. Как это случилось, Теодат не знал и сам. Только все другие часы, которые он проводил на земле, казались ему тягостной и ненавистной обязанностью; и лишь время, когда он был вместе с Реей Сильвией, под землей, в забы-

том дворце древнего императора, – истинной жизнью. Целый день с мучительным нетерпением ждал юноша минуты, когда можно будет, наконец, оторваться от медных шлемов, клещей и молотков, чтобы с веревочной лестницей, спрятанной под одеждой, бежать на склон Эсквилина, на заветное свидание. Лишь этими свиданиями исчислял Теодат свои дни. Если бы его спросили, что ему нравится в Марии, он затруднился бы ответить. Но без нее, без ее безумных речей, без ее странных глаз – вся жизнь показалась бы ему пустой и лишней.

На земле, в мастерской оружейника или в своей жалкой каморке, которую он снимал у одного священника, Теодат мог рассуждать здраво. Он говорил себе, что его Рея Сильвия – бедная помешанная девушка, что он сам, может быть, поступает дурно, потворствуя ее губительным бредням. Но, сойдя в прохладно-сырую полутьму Золотого дома, Теодат словно менялся весь – мыслями и душой. Он становился иным, не тем, что в зное римского дня или в удушливом воздухе кузницы. Он чувствовал себя в другом мире, там, где дей-

ствительно можно повстречать и весталку Илию, дочь царя Нумитора, и бога Марса, принявшего облик молодого гота. В этом мире все было возможно и все чудеса естественны. В этом мире прошлое было живо и басни поэтов въявь осуществлялись на каждом шагу.

Не то чтобы Теодат вполне верил в бредни Марии. Но когда она перед какой-нибудь статуей древнего императора начинала говорить о том, как однажды встретила его на форуме и беседовала с ним, Теодату казалось, что в действительности было что-то подобное. Когда Мария рассказывала о богатствах дворца своего отца, царя Нумитора, Теодат был готов думать, что она рассказывает правду. И когда Мария мечтала о пышности будущего Рима, который будет основан новыми Ромулом и Ремом, Теодат, увлекаясь, сам развивал те же мечты, говорил о новых победах нового Вечного Города, о новом завоевании земли, о новой всемирной славе... И вдвоем они придумывали имена грядущих императоров, которые будут править в городе их детей... Мария не называла себя иначе, как Реей

Сильвией, а Теодата – иначе, как Марсом, и он так привык к этим именам, что порой, мысленно, сам называл себя именем древнего римского бога войны. И когда оба, и девушка и юноша, пьянели от темноты, от дивных созданий искусства, от близости друг к другу, от странных, полубезумных мечтаний, Теодат почти начинал чувствовать в своих жилах божественный ихор олимпийца.

И опять проходили дни. В самом начале своего знакомства с Марией Теодат дал себе обещание щадить безумную девушку, не пользоваться затмением ее разума и ее беззащитностью. Но с каждым новым свиданием все труднее и труднее становилось Теодату сдерживать свое слово. Каждый день встречаясь с той, которую он уже любил со всей страстностью юношеской любви, проводя наедине с ней долгие часы в уединении, полумраке, касаясь ее рук и плеч, чувствуя близ себя ее дыхание, обмениваясь с ней поцелуями, Теодат был должен употреблять все большие и большие усилия, чтобы не сжать девушку в сильных объятиях, чтобы не привлечь ее к себе с той же лаской, с какой бог

Марс привлек к себе когда-то первую весталку. А Мария не только не уклонялась от такой ласки, но как бы искала ее, тянулась, влеклась к ней всем своим существом. Она медлила в объятиях Теодата, когда тот целовал ее, она сама прижималась к его груди, когда они любовались статуями и картинами, она своими большими черными глазами поминутно словно говорила юноше: «Когда же? скоро ли? я устала ждать!» Теодат спрашивал себя: «Полно! да правда ли, что она – безумная? Тогда безумен и я! И не лучше ли наше безумие, чем разумная жизнь всех других людей! Зачем же мы отказываемся от полной радости любви?»

И то, что должно было свершиться неизбежно, свершилось. Свадебным чертогом Марии и Теодата стала одна из великолепных зал Золотого дома Нерона. Зажженные смолистые сучья, вставленные в древние бронзовые светильники с изображением амуров, были их брачными факелами. Союз юной четы благословили мраморные боги, изваянные Праксителем, с неземной улыбкой глядевшие из порфирной ниши. Великая тишина погреб-

бенного дворца затаила в себе первые страстные вздохи новобрачных, и таинственный полумрак подземелья осенил их побледневшие лица. Не было свадебных песен, не было торжественного пира, но долгие века славы и могущества склонялись над брачным ложем, прах и земля которого казались влюбленным мягче и желаннее, чем пух понтийских лебедей в византийских спальнях.

С того вечера встречи Марии и Теодата стали свиданиями любовников. Долгими ласками сменились их долгие беседы. Страстными признаниями и страстными клятвами – полубезумные речи. Они опять бродили по пустынным покоем Золотого дома, но уже не столько влекли их картины, статуи, мраморы стен и мозаика, сколько возможность в новой комнате снова и снова упасть в объятия друг другу. Они еще мечтали о будущем Риме, который будет основан их детьми, но это радужное видение уже затмевалось счастьем несдержанных поцелуев, в пламенном дыме которых исчезала не только действительность, но и мечта. Они еще называли себя Рей Сильвией и богом Марсом, но уже стали

бедными земными любовниками, счастливой четой, подобной тысячам тысяч других, живших на земле за тысячи тысяч столетий...

VI

Никогда, вне зал подземного дворца, ни Теодат не старался встретиться с Марией, ни Мария с Теодатом. Они существовали друг для друга лишь в Золотом доме Нерона. Может быть, они даже не узнали бы один другого на земле. Теодат перестал бы для Марии быть богом Марсом, а Мария не показалась бы Теодату красивой и удивительной. Правда, после их сближения честный гот не раз говорил себе, что он должен разыскать истинных родителей девушки, должен жениться на ней и пред всеми людьми, открыто признать ее своей женой. Но день за днем Теодат откладывал исполнение своего решения: ему страшно было разрушить сказочное очарование, в котором он жил, ему страшно было несказанную быль подземных зал сменить на обыкновенную действительность. Может быть, сам Теодат и не так объяснял себе свою медлительность, но все же он не спешил прервать жгучее счастье тайных свиданий и каждый раз, прощаясь с Марией, вновь клялся ей, что на другой день придет опять. Она

же не ждала и не спрашивала большего: с нее было довольно и мечтательного блаженства – быть любимой богом...

– Ты будешь меня любить всегда? – спрашивал Теодат, сжимая своими сильными руками хрупкое тело Марии.

Та качала головой и возражала:

– Я буду любить тебя до смерти. Но ты – бессмертен, а я должна буду умереть скоро. Меня бросят в воды Тибра.

– Нет! нет! – говорил Теодат, – этого не будет! Мы будем жить вместе и вместе умрем. Без тебя я не хочу бессмертия. И после нашей смерти мы будем так же любить друг друга там, на нашем Олимпе!

Но Мария смотрела недоверчиво. Она ждала смерти и была готова к ней. Ей хотелось лишь одного – продлить счастье так долго, как это возможно.

Юноша говорил себе, что ему должно тайно проследить за Марией, узнать, где она живет, прийти в ее дом, к ее настоящему отцу, сказать ему, что он, Агапит, любит эту девушку и хочет сделать ее своей женой. Но когда наступал час расставания, когда Мария, взяв с

Теодата клятву, что он вновь придет завтра в Золотой дом, легкой тенью ускользала в вечернюю даль, юноша опять давал себе отсрочку: «Пусть это будет завтра! Пусть еще раз мы встретимся, как Рея Сильвия и бог Марс! Пусть еще продлится эта сказка!» И Теодат уходил к себе домой, в комнатку, которую снимал у священника, чтобы всю ночь грезить о своей возлюбленной и наслаждаться новым счастьем – воспоминаний. И никого не спрашивал Теодат о странной девушке с черными глазами, хотя Марию знали едва ли не все в Риме. Да в сущности Теодату ничего и не хотелось знать о ней, кроме того, что она – весталка Илия и каждый день любовно ждет его, Теодата, в подземной зале дворца Нерона.

Но вот однажды Мария, прождав до вечера, не дождалась Теодата: юноша не пришел. Огорченная и смущенная вернулась Мария домой. Бред, наполнявший ее голову, как бы несколько прояснился с того дня, когда она предалась Теодату, и Мария уже могла успокаивать себя, говоря, что ее возлюбленного что-нибудь задержало. Но юноша не пришел ни на другой день, ни на третий. Он вдруг ис-

через совсем, и тщетно Мария ждала его на условленном месте час за часом, день за днем, ждала в томлении, в отчаянии, рыдая, молясь и древним божествам и теми молитвами, каким ее учила когда-то мать: не было ответа ни на ее слезы, ни на ее мольбы. По-прежнему неземной улыбкой улыбались мраморные боги в нишах стен, по-прежнему живописью и мозаикой блистали пышные покои древнего дворца, но Золотой дом стал вдруг для Марии пустым и страшным. Из блаженного рая, из страны полей Елисейских он вдруг превратился в ад жестоких мучений, в черный Тартар, где только ужас, одиночество, невыносимое горе и невыносимая боль. С безумной надеждой по-прежнему каждый день шла Мария в подземелье, но она шла теперь туда, как к месту пыток. Там ждали ее горькие часы обманутого ожидания, страшные воспоминания о недавнем счастье и новые, долгие, безутешные слезы.

Всего страшнее, всего мучительнее было Марии именно подле барельефа, изображающего весталку Рею Сильвию спящей в священной пещере и бога Марса, приближающе-

гося к ней. К этому барельефу влекли Марию все воспоминания, но близ него тоска самая непобедимая овладевала ее душой. Здесь Мария падала на пол и билась головой о каменные мозаичные плиты, закрывая глаза, чтобы не видеть лучезарного лика бога. «Вернись, вернись! – повторяла она в своем безумии. – Приди еще только один раз! Божественный, бессмертный, сжался над моими страданиями! Дай увидеть тебя еще однажды! Я еще не все тебе сказала, я еще не всего тебя целовала, мне надо, надо видеть тебя еще раз в жизни! А после пусть смерть, пусть бросят меня в воды Тибра, я не буду спорить. Сжался, божественный!» И Мария опять открывала глаза, опять при слабом свете факела видела бесстрастное лицо изваянного бога, и опять воспоминание о внезапно утраченном блаженстве повергало ее ниц, в новых слезах, рыданиях и воплях. И уже она сама не знала, приходил к ней бог Марс, были ли в жизни те дни полного счастья, или и это ей снилось среди тысячи ее других видений.

С каждым днем все безнадежнее становились ожидания Марии. С каждым днем все бо-

лее и более измученной и потрясенной возвращалась она домой. В те часы, когда проблиски сознания загорались в ней, она смутно вспоминала все, что говорил ей когда-то Теодат. Тогда она бродила по улицам Рима и под разными предлогами заглядывала во все мастерские оружейников, но нигде не встречала того, кого искала. Говорить же с кем-нибудь о своем горе и о своем исчезнувшем счастье было для нее невозможно, да никто и не поверил бы рассказам бедной, сумасшедшей девочки, все сочли бы их за новый бред ее расстроенного воображения. Так жила Мария одна, со своим горем, со своим отчаянием, и мать только уныло качала головой, видя, как еще более худеет и сохнет Мария, как еще более впалыми становятся ее щеки, а глаза начинают гореть еще более странными отсветами огня.

Но так же неумоимо проходили дни – и над бедной помешанной девочкой, и над оскверненным Вечным Городом, и над целым миром, в котором медленно зарождалась новая жизнь. Проходили дни, Юстиниан праздновал последние победы над остатками готов,

лангобарды замышляли свой поход на Италию, папы тайно ковали звенья той цепи, которой в будущем должны были оплести и Рим и весь мир, римляне жили своей скудной, подавленной жизнью, и Мария в один из дней поняла, наконец, что она должна будет стать матерью. Весталка Рея Сильвия, к которой снизошел со своего Олимпа бог Марс, почувствовала, что в ней бьется новая жизнь, – не близнецы ли, новые Ромул и Рем, которые должны основать новый Рим?

Никому – ни отцу, ни матери – не сказала Мария об том, что она почувствовала. Это было ее тайной. Но она странно успокоилась после своего открытия. Мечта исполнилась вполне. Надо было дать жизнь основателям Рима, а потом ждать смерти в мутных водах желтого Тибра.

VII

Иногда в доме старого Руфия собирались гости: сосед, торговавший на форуме дешевыми женскими украшениями, сын медника, который когда-то сватался к Марии, дряхлый ретор, больше не находивший применения своим знаниям, несколько других обедневших людей, доживавших свои дни в унынии и собиравшихся вместе только затем, чтобы пожаловаться друг другу на свою несчастную судьбу. Пили плохое вино, закусывая его чесноком, и, между привычных жалоб, осторожно вставляли в беседу горькие слова о власти византийцев и о бесчеловечных поборах нового дукса, поселившегося в Палатине вместо уехавшего евнуха Нарсеса. Флоренция обслуживала гостей, разливала вино и, слушая речи старого ретора, тихонько крестилась при упоминании имен проклятых богов.

На одном из таких собраний сидела в уголку и Мария, в тот день вернувшаяся из своих скитаний домой раньше обыкновенного. Никто не обращал на нее внимания. Все привыкли видеть в своем кругу молчаливую, без-

ответную девочку, которую давно считали помешанной. Она не вмешивалась в разговоры, и никто не обращал к ней ни слова. Унылая, с опущенной головой, она сидела неподвижно и, казалось, даже не слушала ничего из речей пьяневших собеседников.

В этот день особенно много говорили о строгости нового дукса. Но сын медника взялся защищать его.

– И то надобно взять в расчет, – сказал он, – что по нынешним временам без строгости обойтись невозможно. По городу шныряют разведчики. Того и гляди опять нагрянут какие-нибудь варвары. Натерпимся мы тогда с новой осадой! А потом эти проклятые готы! Убираясь из города подобру-поздорову, они в разных местах позапрятали свои сокровища. И теперь то один, то другой тайком, переодевшись, возвращаются в Рим, чтобы откопать спрятанное и унести с собой. Уж таких-то людей должно ловить и щадить их не приходится: ведь все их богатства у вас же, у римлян, украдены.

Слова сына медника показались любопытными. Его стали спрашивать. Он охотно

рассказал все, что знал о сокровищах, спря-
танных готами в разных местах Рима, и о
том, как теперь уцелевшие от разгрома готы
стараются эти клады разыскать и унести. По-
том рассказчик добавил:

– Да вот еще недавно поймали одного тако-
го. С веревочной лестницей пытался вскараб-
каться на Эсквилин, где есть в земле трещи-
ны. Схватили его, отвели к дуксу. Тот обещал
ему помилование, если только проклятый
укажет, где именно зарыты сокровища. Но он
ничего не хотел говорить, упирался, и все тут.
Уж его пытали, пытали, но ничего не доби-
лись. Так и запытали до смерти.

Кто-то спросил:

– Умер?

– Конечно, умер, – отвечал сын медника.

Вдруг внезапное озарение осветило пому-
тившийся ум Марии. Она встала во весь рост.
Огромные ее глаза еще расширились. Прижав
обе руки к груди, она спросила прерываю-
щимся голосом:

– А как звали, как звали этого... этого гота?

Сын медника и это знал точно, так что сей-
час же ответил:

– Он себя называл Агапитом, служил здесь поблизости, в мастерской одного оружейника.

И, вскрикнув, Мария лицом упала на пол.

* * *

Мария была больна долго, много недель. В первый же день болезни у нее родился трехмесячный недоносок: жалкий комочек мяса, о котором нельзя было сказать, мальчик это или девочка. Флоренция, при всей своей суровости, любила дочь. Пока Мария много дней оставалась в беспомощности, мать ухаживала за ней, не отходя от постели. Звали к больной и знахарей и священника. Когда же, наконец, Мария очнулась, у Флоренции не нашлось для нее укоряющих слов: она только плакала безутешными слезами, припав к груди дочери. Должно быть, все угадала ее материнская душа. А потом, когда стало Марии немного лучше, мать, тоже без упреков, рассказала дочери все, что с ней случилось.

Но Мария со странным недоверием выслушала рассказ матери. Как могла бы поверить ему Рея Сильвия, которой, по воле богов, суждено было родить близнецов Ромула и Рема?

Совсем ли помутился ум бедной девочки или по-прежнему своим мечтам верила она больше, чем действительности, только она на слова матери лишь слабо покачала головой. Ей казалось, что мать обманывает ее, что во время болезни она все же родила божественных близнецов, только их отняли у нее и в плетеной корзине бросили в Тибр. Но Мария знала, что их найдет и выкормит волчица, потому что они должны основать новый Рим.

Пока Мария была так слаба, что не могла подымать головы, никто не удивлялся на то, что она не отвечает на вопросы и целые дни молчит, не спрашивая ни пить, ни есть, или нехотя произносит односложные слова. Но и оправившись несколько, найдя в себе силы медленно бродить по дому, Мария продолжала молчать, затаив в душе какую-то сокровенную мысль. Даже с отцом она не хотела более говорить и не радовалась, когда он начинал ей декламировать стихи древних поэтов.

Наконец, однажды утром, когда отец ушел по делу, а мать отлучилась на рынок, Мария неожиданно исчезла из дому. Никто не заметил, как она ушла. И никто более не видел ее

в живых. А через несколько дней мутные воды Тибра выбросили на песок безжизненное тело Марии.

Бедная девочка! Бедная весталка, нарушившая свой обет! Хочется верить, что, бросаясь в холодные объятия воды, ты была убеждена, что твои дети, близнецы Ромул и Рем, сосут в эту минуту теплое молоко волчицы и в свое время возведут первый вал будущего Вечного Города. Если в минуту смерти ты не сомневалась в этом, может быть, ты была счастливее всех других в этом жалком, полуразрушенном Риме, на который уже двигались с Альп полчища диких лангобардов!

Примечания

8

*Воин Амулий потом авзонийскою
правил страну,
Прав не имея на то...*

(Пер. с лат. С. В. Шервинского).

[^^^]